
Джеймс Хайнс
James Hynes
ИЗДАЙ
и УМРИ
Описать ЭТО – НЕВОЗМОЖНО.
Читать ЭТО – НАСЛАЖДЕНИЕ!
Потрясающе зло,
забавно и экстравагантно!
«Washington Post»

Издай и умри

Джеймс Хайнс

Царица Джунглей

1997

Хайнс Д.

Царица Джунглей / Д. Хайнс — 1997 — (Издай и умри)

Повести, вошедшие в этот сборник, – три изысканные пародии одновременно на жанры «университетского детектива» и «университетского триллера», «черной мистики», «психологического реализма» и... список можно продолжать до бесконечности!Кошка при помощи «кошачьего психоаналитика» раскрывает весьма гнусную интригу...Неудачливый антрополог отправляется в отпуск – а попадает в ситуацию, достойную Лавкрафта и Кроули...Таинственные руны приносят смерть и ужас в семью... блестящей специалистки по древней истории...Описать это – невозможно.Читать это – наслаждение!

© Хайнс Д., 1997

Содержание

Эпиграф к сборнику «Издай и умри» 6
1 7
2 13
3 17
4 21
Конец ознакомительного фрагмента. 22

Джеймс ХАЙНС
ЦАРИЦА ДЖУНГЛЕЙ

James Hynes PUBLISH AND PERISH

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Donadio & Olson, Inc. и Andrew Nurnberg.

Эпиграф к сборнику «Издай и умри»

(Идея книги) заключается в энциклопедической защите теологии и логоцентризма от разрушительного воздействия письма, от его афористической энергии и от... любого разнообразия (отличия) вообще. Если мы будем отличать текст от книги, мы должны будем сказать, что разрушение книги – собственно, процесс, происходящий сейчас во всех сферах, – обнажает поверхность текста. Необходимое насилие становится ответом на насилие, которое, в свою очередь, было в не меньшей степени необходимо.
Жак Деррида «О грамматологии»

Ученость! О, великое то дело! [1]
У. Шекспир, «Укрощение строптивой», Акт I, Сцена II

[1] Пер. П. Мелковой.

1

Что-то случилось с Шарлоттой, кошкой Пола и Элизабет. Она начала мочиться где попало, доводя хозяев до полного отчаяния. Ни один из них не мог понять, что стало причиной столь странного поведения семейной любимицы, но оба все более склонялись к мысли, что оно как-то связано с некоторой сложностью в их домашнем устройстве. Пол жил в Блеф-Сити, штат Айова, и числился на факультете английского языка университета штата, где завершал работу над диссертацией, на которую потратил уже целых три года. Элизабет четыре дня в неделю проводила в Чикаго, где у нее было временное пока еще место в Чикагском университете.

Шарлотта же постоянно жила с Полом в Айове. Это была совершенно домашняя кошка десяти лет от роду, без когтей на передних лапах. На первый взгляд она могла показаться обыкновенной черно-белой кошкой: с черной спинкой, черными обводами вокруг глаз и ушей – что создавало впечатление маски – и с молочно-белыми грудкой и передними лапками. Однако при прямом ярком свете оказывалось, что черная шерсть ее представляет смесь иссиня-темных тонов с коричневыми, которые едва заметными полосками шли по кошачьей головке и по спине, достигая хвоста и делая его очень похожим на хвост енота. Глаза Шарлотты из-за черных отметин, казалось, были словно подведены черным карандашом. Она была очень умной и крайне чувствительной кошкой, однако отнюдь не ласковой. Шарлотта злобно шипела и царапала любого незнакомца, который попытался бы взять ее на руки.

Даже Полу и Элизабет она позволяла держать себя на руках – по подсчетам Пола – не более десяти секунд, а затем начинала с нетерпеливо-раздраженным ворчанием вырываться. Потом садилась на расстоянии нескольких метров от них, повернувшись спиной и вытянув свой длинный хвост, похожий на хвост енота. Иногда, правда, в те ночи, когда Элизабет отсутствовала, Шарлотта пристраивалась на грудь Полу, лежавшему на диване с книгой, или, когда он укладывался спать, пробиралась к нему под одеяло.

В последнее время у нее возникла привычка сворачиваться калачиком у его ног, когда Пол сидел за компьютером или стоял на кухне у плиты. Поначалу это его раздражало – он боялся невзначай наступить на Шарлотту, – потом привык. И постепенно Полу стало не хватать теплого шелковистого и ласкового прикосновения к ногам и гортанного мурлыканья.

А в последние два месяца Шарлотта начала дурно себя вести и мочиться где попало. Пол и Элизабет занимали очень удобную квартиру над старым гаражом. Поначалу они предположили, что источником неприятного запаха могут быть еноты, поселившиеся внизу в кладовке, которую устроил квартирный хозяин, но однажды утром Пол босой ногой наступил в лужу, оставленную кошкой на ковре. Вначале Шарлотта делала подобные лужи на верхней площадке лестницы, что вела от входной двери, затем стала мочиться на диванные подушки, кресло-качалку Пола, купленную в комиссионке, и наконец, на кровати – на подушки, в середине матраца, посреди измятых за ночь простыней, пока Пол принимал душ.

Когда это случилось в первый раз на лестнице, Пол ничего не сказал Элизабет. К тому времени когда она вернулась в Блеф-Сити па очередной уик-энд, Пол постарался вытереть пятно и избавиться от запаха с помощью смеси питьевой соды и специального фермента, который он купил в магазине домашних животных. Но во второй раз поздним вечером в четверг Шарлотта выбрала в качестве места преступления диван, и когда Элизабет в пятницу утром вернулась домой, она остановилась в дверях с сумкой на плече, сморщив нос от резкого и неприятного запаха кошачьей мочи.

– Боже мой! – воскликнула она. – Неужели это то, что я думаю?

Пол вышел из-за письменного стола и кивнул. Шарлотта куда-то спряталась.

– Неужели это сделала Шарлотта?

Элизабет опустила сумку на пол и оглянулась в поисках кошки. Первая реакция хозяйки – беспокойство по поводу здоровья и благополучия Шарлотты; здоровье и благополучие мужа заботило Элизабет значительно меньше. Вероятно, это объяснялось тем, что Шарлотта жила с Элизабет задолго до появления Пола. Она была дочерью предыдущей ее кошки по имени Эмили, давно скончавшейся. Весь выводок появился на свет морозным январским днем в самом темном углу стенного шкафа на первой квартире Элизабет. Из-за кошачьих родов были безнадежно испорчены замшевые туфли. В память о них Элизабет подарила Шарлотте зеленый замшевый ошейник, который очень подходил к цвету ее глаз.

Элизабет пошла по квартире, наклонив голову и особым условным знаком подзывая кошку. Она миновала диван, не обратив никакого внимания на лужу, оставленную Шарлоттой.

– Ты здорова, Шарлотточка? – доносился ее голос из спальни, где кошка обычно пряталась. – Что случилось, душечка?

– Это уже не в первый раз, – громким голосом сообщил Пол, понимая, что Элизабет его не слушает.

Она никого и ничего не слышала, когда беседовала со своей любимицей.

Они отнесли кошку к ветеринару. Та осмотрела Шарлотту, провела необходимые анализы, пытаясь установить причину возникшей проблемы, однако никаких физических патологий обнаружить не смогла. В конце концов она порекомендовала Элизабет и Полу специальную диету, которая ничего не изменила. По крайней мере один раз в три или четыре дня Пол наступал босой ногой на очередную лужу на ковре или совершал экстренное путешествие в прачечную с постельным бельем.

У ветеринара Шарлотта злобно взирала на врача со смотрового стола, а врач тем временем озадаченно морщила лоб и задавала вопросы относительно того, не было ли в последнее время каких-либо неожиданных перемен в образе жизни Пола и Элизабет и их любимицы. Не появился ли, к примеру, в доме новый кот, не передвигали ли они куда-нибудь кошачий лоток с привычного для Шарлотты места, не меняли ли марку наполнителя для кошачьего туалета? Элизабет только молча гладила Шарлотту и бросала вопросительные взгляды на Пола, который отрицательно качал головой.

– И последний вопрос, который я вынуждена вам задать, – сказала наконец ветеринар, скрестив руки. – У вас-то самих все в порядке? Никаких семейных проблем?

– О нет! – воскликнула Элизабет. – У нас все в полном порядке!

– В абсолютном! – подтвердил Пол.

Ветеринар прописала Шарлотте успокоительное – две крошечные таблетки ежедневно, и неприятности прекратились. Однако, вернувшись домой на свой первый уик-энд после начала лечения, Элизабет заметила, что Шарлотта стала пошатываться при ходьбе и несколько раз ударилась головой о стену. Элизабет немедленно выбросила все оставшиеся таблетки в унитаз.

– Ты видел ее глаза? – спросила Элизабет. – Она же превратилась в зомби.

– Видел, – ответил Пол. – Мне это тоже не понравилось.

Они позвонили ветеринару, но та только развела руками.

– Я сделала все что могла. Вот если только...

– Если только что? – спросила Элизабет.

Пол слушал их разговор по другому телефону в спальне.

Ветеринарша была непроста. Журналы на столике в комнате ожидания обещали читателям духовное освобождение, не привязывая его ни к каким общепринятым религиозным практикам, а из динамиков звучала монотонная, вводящая в транс музыка. От внимания Пола и Элизабет не ускользнула упомянутая особенность, но они решили не придавать этому особого значения, так как ветеринар с удивительным участием отнеслась к их Шарлотте.

– У меня есть знакомая, – сказала ветеринар, – которая обладает способностью вступать в непосредственный контакт с животными.

Пол встал с постели и отошел от телефонного аппарата, насколько позволял провод. Ему хотелось увидеть выражение лица жены, стоящей на кухне. Элизабет была довольно высокого роста – дюйма на два выше Пола, – с открытым лицом, обладала длинной и стройной шеей, которая в свое время и привлекла внимание Пола в аудитории, где они впервые встретились.

И теперь, беседуя с ветеринаром по телефону, она прижимала узкую ладонь к своей восхитительной шее. У Элизабет очень рано появилась седина, еще когда она училась в аспирантуре. Пол частенько пытался уверить ее, что находит седину весьма привлекательной. В ответ жена язвительно замечала, что его редеющие волосы кажутся ей не менее очаровательными.

После долгих раздумий Элизабет решила не закрашивать седину, так как она давала ощущение хоть небольшого, но все-таки старшинства перед студентами, которые в огромном большинстве были всего на несколько лет моложе своей преподавательницы. Наблюдая за Элизабет, Пол заметил в ней ту самую смущенную серьезность, которая, как он хорошо знал, является совершенно определенным признаком того, что она собирается с вежливым презрением отвергнуть предложение ветеринара. Вообще-то весь этот оккультизм раздражал Элизабет еще больше, чем Пола. Он попахивал эссенциализмом и феминизмом, которые Элизабет с унизительными подробностями и злорадным восторгом поносила и высмеивала в своих статьях.

Пол широко открыл глаза, словно преисполнившись предельного недоверия, и беззвучно одними губами произнес: «Кошачий парапсихолог?» Но там, где вопрос касался кошек, Элизабет становилась необычайно сентиментальной. Вряд ли ее можно застать врасплох с «Вог» или «Гламур» в руках, однако время от времени Пол замечал в раскрытом портфеле жены номер «Кэт фэнси».

– И какой номер телефона у вашей знакомой? – спросила Элизабет у ветеринара.

На протяжении следующих двух дней она игнорировала шуточки Пола насчет смуглых дамочек в цветастых платках и с хрустальными шарами, кошачьих хиромантов с крошечными картами Таро для кошачьих гаданий. Наконец одним ясным морозным февральским днем парапсихолог явилась на беседу с кошкой. Она оказалась довольно крупной женщиной в сшитом па заказ костюме и подбитой мехом куртке с капюшоном. На лестницу специалист по кошкам взобралась не без труда, мрачная и задыхающаяся. Звали ее Андреа, с ударением на втором слоге – просто Андреа, как, например, бывают просто Розанны.

Женщина обладала грудным контральто, густыми черными волосами и торжественно-мрачным средиземноморским выражением лица, невозмутимость которого лишь однажды была нарушена громким гортанным смехом. Андреа не попросила сразу же показать кошку – Шарлотта, конечно же, услышав незнакомый голос, устремилась в свой самый укромный уголок, – а величественно опустилась на краешек дивана, пытаясь отдышаться. Через несколько минут, придя в себя, парапсихолог начала задавать вопросы. Чем Шарлотта занимается целый день и где находятся ее любимые места в доме? Элизабет, вся сжавшись, пристроилась на другом конце дивана, внимательно вслушиваясь в каждое слово гостьи и отвечая на все ее вопросы без исключения.

Пол принес им чаю и сел в противоположном углу комнаты. Обе женщины чем-то напоминали цикл картинок под заголовком «До и после», только Пол никак не мог решить, кто из них представляет ситуацию «до», а кто – «после». У Андреа для женщины с почти идеально круглым лицом был поразительно острый подбородок, и она постоянно прикасалась к нему пальцем, при этом отрешенно глядя куда-то в пространство, что заставляло Элизабет еще более внимательно вслушиваться в ее вопросы и с еще большими подробностями и нервозностью отвечать на них.

Андреа почти никак не реагировала на ответы Элизабет, и та из кожи вон лезла, чтобы как-то заполнить тишину не только словами, но и жестами. В конце концов стало создаваться впечатление, что своими пассами Элизабет стремится разрушить зловещее молчание ясновидящей. Потом наступила неизбежная пауза, и когда она совершенно неприлично затянулась,

Андреа кивнула и просто сказала: «Э... хм...» Эта фраза и тот факт, что она старалась не встречаться взглядом ни с Элизабет, ни с Полом, убедили Пола – как будто ему требовались еще какие-то доказательства, – что перед ними сидит отъявленная шарлатанка. Он заерзал в кресле, пытаясь перехватить взгляд Элизабет в надежде заманить ее на кухню для не терпящих отлагательства тайных переговоров. Но тут к своему величайшему недоумению ощутил шелковистое прикосновение тельца Шарлотты и не успел и рта раскрыть, как физиономию Андреа осветила яркая улыбка, и она рассмеялась гортанным смехом. Андреа похлопала по лежащей рядом диванной подушке, пристально глядя на кошку и прищелкивая языком.

– Это Шарлотта, – сказала Элизабет дрожащим голосом, словно говорила о больном ребенке.

Я удивляюсь, что она вообще пришла, хотел было сказать Пол, но тут Шарлотта удивила его еще больше, вспрыгнув на диван к ясновидящей, спиной к Элизабет, внимательно всматриваясь в их гостью. Кошка как-то жалобно мяукнула, а Пол с Элизабет обменялись изумленными взглядами.

– Не могли бы вы оставить нас наедине на несколько минут? – попросила Андреа.

Кошка и ясновидящая смотрели друг другу в глаза с почти одинаковым выражением. После безмолвной паузы Пол и Элизабет удалились в спальню, располагавшуюся в конце коридора.

– Сколько ты собираешься заплатить этой женщине? – спросил Пол, закрывая за собой дверь.

– Ты видел?! – вместо ответа прошептала Элизабет, затем встала, подошла к двери и чуть-чуть приоткрыла ее. – Ты когда-нибудь видел, чтобы Шарлотта вела себя так с незнакомцами? Прыгнула чуть ли не на колени?

Пол сел на кровать.

– Ну хорошо, возможно, тетка обладает способностью вызывать в животных какие-то родственные чувства, – начал он, понизив голос, – но ты же не думаешь в самом деле, что она способна читать их мысли?

Так они шептались несколько минут, сидя на краешке кровати и время от времени поглядывая в щелку. Элизабет то и дело хватала Пола за руку, когда ей казалось, будто она что-то слышит, хотя на самом деле из гостиной не доносилось ни звука. Пол стал было предполагать, какие откровения могут обнаружиться при чтении кошачьих мыслей, однако очень быстро понял, что Элизабет его не слушает.

– Я больше этого не вынесу, – прошипела наконец Элизабет сквозь зубы и вскочила, но тут на пороге из гостиной выросла величественная фигура Андреа и проследовала по коридору, словно планета, сознающая собственную значимость.

Элизабет затаила дыхание, остановившись у открытой двери в спальню. Пол выглядывал из-за плеча жены, изумленно взирая на Шарлотту, уютно примостившуюся на руках у Андреа рядом с ее пышной грудью. Он по привычке начал считать до десяти в ожидании момента, когда Шарлотта, издав вопль раздражения, вырвется из объятий ясновидящей. Ничего подобного не произошло, и Андреа продолжала спокойно шествовать по коридору с кошкой на руках, осторожно почесывая Шарлотту за ухом. Кошка пребывала в таком восторге, что ее мурлыканье перекрывало скрип половиц под тяжелой поступью Андреа.

– Ну вот, она очень расстроена, – проговорила Андреа, остановившись у самого выхода.

– И что же она вам сказала? – спросила Элизабет.

По напряженной спине жены Пол понял, что Элизабет говорит серьезно. Он боялся к ней прикоснуться.

– Они мыслят не словами, дорогая, – ответила Андреа, внимательно всматриваясь в Шарлотту, взиравшую на ясновидящую с безмятежным спокойствием. – Они мыслят образами.

– Что же она в таком случае видит? – спросил Пол, представив себе горы кошачьей еды, напоминающие песчаные дюны, но Элизабет коснулась мужа, дав понять, что от него ждут только одного – молчания.

– Какая-то женщина постоянно приходит и уходит, – сказала Андреа, – и эти приходы и уходы очень беспокоят Шарлотту.

Высказав главное, она оторвала взгляд от кошки и впервые взглянула прямо в глаза Элизабет. Та судорожно прижала руку ко рту. Пол почувствовал, как бешено заколотилось его сердце.

– Боже мой, – едва смогла выговорить Элизабет, не отнимая ладонь ото рта. – Эта женщина – я?

– Не могу сказать определенно, – ответила Андреа. – Я вижу только женщину, которая приходит совсем ненадолго, то есть уходит почти сразу же после прихода.

Сердце Пола, казалось, готово было вырваться из груди, и он протиснулся к двери между женой с побелевшим лицом и ясновидящей, которая вновь перевела взгляд на Шарлотту.

– Моя жена проводит в Чикаго четыре дня в неделю, – произнес он, облизывая внезапно пересохшие губы. – Значит, она все время то приезжает, то уезжает...

– О, Пол, клянусь, что так оно и есть.

Элизабет бросила на него взгляд, полный тоски и разочарования, и потянулась к Шарлотте, как к последнему утешению.

Взяв кошку на руки, она села на кровать и стала шептать ей:

– Ах, ах, ах, мамочка очень расстроилась.

Мгновение спустя Шарлотта выпрыгнула из ее рук, прошмыгнула между ногами к двери и понеслась по коридору. Пол смотрел ей вслед с нарастающим чувством тревоги. Андреа тем временем счищала с костюма кошачью шерсть.

– Люди, у вас есть щетка? – спросила она.

Элизабет, прикусив губу, проследовала за Шарлоттой в гостиную, а Пол проводил Андреа на кухню, где выписал чек на семьдесят пять долларов и помог ей влезть в куртку.

– Я смогла бы сообщить вам и кое-что еще, – сказала Андреа, застегиваясь до самого подбородка, – но для этого мне придется пробыть с вашей кошкой целый день.

Рука Пола немного дрожала, когда он выписывал чек, и ему пришлось отойти, чтобы Андреа не заметила волнения.

– Дневной курс стоит полторы сотни, – монотонным голосом добавила Андреа. – Вам нужно будет уйти из дома.

Пол протянул чек, стараясь не встречаться с ясновидящей взглядом, и проводил до лестницы. Заглянув в гостиную, он увидел, что Элизабет лежит на полу и умоляет Шарлотту вылезти из-под дивана.

– Мамочка не сердится, – Элизабет чуть не плакала, – мамочка просто расстроена.

– Вы нам очень помогли, – сказал Пол, обращаясь к ясновидящей. – Думаю, вы раскрыли нашу маленькую тайну.

Андреа спускалась вниз по лестнице так же медленно, как и поднималась, с такой силой хватаясь за перила, что они чуть не прогибались от ее прикосновения. Пол шел за ясновидящей, и ему страшно хотелось завопить так, чтобы она оступилась от испуга, или даже просто толкнуть ее. Дойдя до входной двери, Андреа остановилась, повернулась на сто восемьдесят градусов, полностью закрыв собой дверной проем.

– Я совсем не уверена, что женщина, которая приходит и уходит, – ваша жена, – проговорила она. – Вполне возможно, что это кто-то еще. Чтобы знать наверняка, я должна провести с кошкой целый день.

– Да, у нас есть номер вашего телефона, – сказал Пол, чуть ли не выталкивая ее за дверь.

В гостиной Шарлотта все еще пряталась. Элизабет, донельзя расстроенная, сидела на диване.

– Мы потратили целых семьдесят пять долларов на то, чтобы выяснить, что кошка по тебе скучает, – сказал Пол, все еще продолжая дрожать.

– Откуда Андреа могло быть известно, что я не живу дома постоянно? – спросила Элизабет. – Я же ей не говорила. Откуда она могла знать?

– Посмотри на себя! – злобно воскликнул Пол. – Ты же вот-вот расплачешься. Часто ли ты плачешь о том, что я провожу здесь четыре дня в неделю в полном одиночестве?

Элизабет возразила:

– Пол, Шарлотта – животное. Мы не можем требовать от нее понимания нашей семейной ситуации и моей необходимости работать далеко от дома.

– Тебе прекрасно известно, что я думаю по этому поводу, – сказал он со вздохом.

– Ты совершенно неверно толкуешь мое поведение, Пол. Я абсолютно свободна во всех отношениях, в том числе и профессиональном. Ни с чьей стороны я не испытываю никакого давления.

В голосе Элизабет звучала давняя усталость от старых аргументов.

– Лиззи, ты звезда. – Пол старался говорить весомо. – Ты же их всех покорила на последней конференции Лингвистической ассоциации. Уолтер (имелся в виду заведующей ее кафедрой в Чикагском университете) сделает для тебя все, что пожелаешь.

Элизабет встала. Они смотрели друг другу в глаза поверх кофейного столика.

– Когда я получу постоянное место в университете, – сказала она, и в голосе ее чувствовалось напряжение, – я поговорю с Уолтером, сможет ли он предложить какую-нибудь работу и моему мужу.

Элизабет проследовала к двери, и когда Пол хотел было остановить ее, резко развернулась и провозгласила:

– В данный момент у меня нет ни малейшего желания беседовать на подобные темы.

Пол дождался, пока захлопнется дверь в ее спальню, а потом, рухнув в кресло, облегченно вздохнул: ему все-таки удалось повернуть дискуссию в безопасном направлении. Однако руки у него дрожали, и вся непродолжительная и оказавшаяся столь хрупкой радость мгновенно улетучилась, как только Шарлотта вылезла из-под дивана и вспрыгнула на кофейный столик. Она стояла, размахивая хвостом из стороны в сторону, и взирала на хозяина своими зелеными в черных обводах глазами. Пол весь напрягся, словно приготовившись защищаться.

– Что ты наделала! – прошептал он кошке.

2

На самом же деле Шарлотта (или та жирная идиотка, что выдавала себя за ясновидящую) чуть было не раскрыла главную тайну Пола – его роман со старшекурсницей с другого факультета. Момент для разоблачения был избран самый что ни на есть неподходящий. Элизабет и Пол окончили Средне-Западный университет в Хэмилтон-Гроувз в Миннесоте в один год и практически одновременно начали искать работу. Они поженились на последнем курсе, и Пол, делая предложение, много и весьма неосторожно распространялся на тот счет, как он поможет Элизабет сделать завидную академическую карьеру. Он обещал вести ее за собой вверх по лестнице самых престижных университетских должностей.

Но вот прошло несколько лет, и Пол в Айове завершает работу над никому не нужной диссертацией, а Элизабет вот-вот предложат постоянное место в университете. Теперь она может позволить себе капризным тоном рассуждать о том, что пока не знает, как поступит со своей работой в Чикаго. Нынешней осенью она стала привозить Полу страницы с объявлениями из воскресных чикагских газет, заранее обведя красным те из них, где предлагались места редакторов или авторов рекламы для прессы. Она ничего не говорила об упомянутых страницах, просто оставляла их на кофейном столике. Каждую неделю Пол, раздраженно скомкав их, швырял в корзину рядом с письменным столом. Компромисс, на который Элизабет пошла ради Пола, заключался в том, что она еженедельно курсировала между Чикаго и Блеф-Сити вместо того, чтобы заставить его самого переехать в Чикаго. По ее мнению, это было неразумной тратой денег и сил. Элизабет зарабатывала вдвое больше мужа, но столь болезненная тема, естественно, никогда не была предметом их семейных дискуссий. В Чикаго Элизабет снимала комнату в Гайд-Парке у одной из преподавательниц своего факультета, которую знала еще со времен аспирантуры. Ее знал и Пол, хотя никогда особого внимания на нее не обращал.

Тем временем как-то неожиданно для себя Пол с начала прошлого семестра оказался в постели с Кимберли, студенткой выпускного курса факультета теории и практики СМИ. Он познакомился с ней в начале осеннего семестра на пикнике, организованном факультетом английского языка. Кимберли пригласил один из докторантов факультета и в течение мероприятия откровенно игнорировал девушку, занявшись обработкой членов диссертационного совета и переходя от одной отдыхающей группки к другой в порядке убывания значимости ее участников. А так как и Пол пребывал в полном одиночестве, игнорируемый всеми сотрудниками факультета, то ему ничего не оставалось, как подойти к студентке и представиться. Она была скромна, но отнюдь не застенчива, если судить по покрою ее легкого летнего платья. Пол внимательно выслушал девушку – оказалось, она совсем недавно перебралась сюда из Калифорнии и не знала в Айове ни души – и пришел к выводу, что только среди патологически амбициозных интеллектуалов столь яркая и привлекательная женщина могла остаться незамеченной. В конце концов он предложил ей провести небольшую экскурсию по Блеф-Сити, и они оба исчезли с пикника.

Надо сказать, на их исчезновение никто не обратил ни малейшего внимания. У Пола не было намерения соблазнять Кимберли – поначалу по крайней мере, – но чем больше они катались по городку, тем все более привлекательной казалась девушка: простая в общении, без свойственной многим студенткам претенциозности и с потрясающим чувством юмора. В тот первый вечер, когда они сидели на скамейке на берегу реки, Кимберли вдруг вскочила и продемонстрировала Полу комичный рок-н-ролл в исполнении куклы Барби. Ким, практически не двигая ногами, крутила и вертела плечами и головой самым невероятным образом. Пол хохотал так, что чуть было не свалился со скамейки.

И вот теперь Пол, не веривший даже в реальность подсознания, не говоря уже об оккультных феноменах, был каким-то непонятным для него самого образом убежден, что Ким и есть

та самая женщина, облик которой жирная ясновидящая высмотрела среди мыслей и воспоминаний Шарлотты.

Кошачьи «проказы» начались после той ночи, которую Ким провела с Полом. Шарлотта оставила свою первую лужу на ковре на лестнице – именно там Пол и Кимберли впервые занимались любовью после возвращения с факультетского пикника. С тех пор Шарлотта «пометила» все места их любовных игр: диван, кресло-качалку Пола в гостиной, кровать, ковер в коридоре и даже краешек скатерти на кухонном столе, где они занимались *этим* с особым восторгом и наслаждением под потрясающую сентябрьскую грозу при отключенном электричестве, освещаемые яркими вспышками молний.

– А нас не может... ударить молнией? – выдохнула Ким.

Она была уроженкой Санта-Моники, и ее с детства преследовал совсем не беспочвенный страх перед сюрпризами погоды Среднего Запада: торнадо, снежными буранами и градом величиной с мячик для игры в гольф.

– О господи! Надеюсь, что нет, – смеясь, ответил Пол.

Ему удалось сохранить в тайне от Ким проделки Шарлотты, так как милая киска обычно дожидалась утра – время ухода Ким. Если даже Ким и обращала внимание на трудно выветривающийся запах кошачьей мочи, она из вежливости никогда об этом не упоминала. Вполне возможно, у девушки сложилось мнение, что так и должно пахнуть в доме, где живет кошка. А Полу совсем не хотелось пугать Ким, которая начала считать Шарлотту странноватой и нечистоплотной. Ей было неприятно находить кошачью шерсть на одежде и чувствовать на себе пристальный взгляд Шарлотты, когда они занимались любовью. Если у Пола находились время и силы, то он старался загодя убрать Шарлотту из комнаты.

Своим очарованием Ким была обязана – и Пол это превосходно понимал – какому-то дикому, почти животному аспекту своей личности. Пол много размышлял над источником ее первобытной притягательности. Раньше ему никогда не приходилось иметь дело с девушками такого типа. В отличие от Элизабет Ким любила поболтать после секса. Однажды она рассказала ему, что стремление получить диплом факультета теории и практики СМИ – часть хорошо продуманного плана, так как главнейшая мечта в жизни Кимберли – создание собственного ток-шоу на телевидении.

Ким представляла, как ее броское имя выводится на телеэкране, завершаясь яркой вспышкой под проникнутую чувственной энергией музыкальную тему. Ее ток-шоу будет отличаться от множества других телевизионных собратьев. Никакого потворствования вкусам публики, никакой демонстрации очень толстых персонажей, или очень глупых, или какой-то немыслимой даже для телевидения чуши и пошлости, или и того, и другого, и третьего одновременно.

– Я хочу стать второй Лизой Гиббонз, – заявила Ким, уставившись в потолок. – И не смей насмехаться надо мной!

Продемонстрировав героическое самообладание, Пол сумел сдержать смех, и она продолжила:

– Почему все участники подобных шоу так непривлекательны? Даже ведущие. А я буду приглашать на ток-шоу исключительно очаровательных участников, умных и привлекательных. Блестящих интеллектуалов. Как Дэн Ратер. – Она перевернулась на живот и стала болтать ногами в воздухе. – Телеведущие и супермодели. Рядом с Кимберли.

Пол зарылся в ее волосы, чтобы она не заметила его смеющегося лица, однако Ким резко повернулась.

– Ты, конечно, думаешь, что все это невероятно глупо, да?

Но он думал совсем о другом. О том, что она движется, как настоящая балерина, удивительно стройная, с прямыми плечами, соблазнительно покачивая бедрами. Ким имела миловидное лицо сердечком, прямые светлые волосы и потрясающий взгляд – слегка опустив под-

бородок и словно украдкой выглядывая из-под тяжелых ресниц. У Пола сердце сжималось от желания. А когда Ким оказывалась рядом с Шарлоттой, она двигалась так, будто тоже была кошкой, и обе обходили друг друга с недоверием и опаской. Полу нравилось после любви с Ким лежать на диване и наблюдать, как она спрыгивает с постели и по-кошачьи передвигается по комнате, как изгибается спина Ким, как скользят ее бедра вдоль полок, когда она пробирается мимо книжного шкафа, уходя от кошки.

– Тебе не хватает хвоста, – заметил как-то Пол, протянув руку и коснувшись ее спины у копчика, у соблазнительного изгиба ягодиц. – Вот здесь.

– Нет, я все-таки не люблю кошек, – отозвалась Ким почему-то с вопросительной интонацией, которая так раздражала Пола в его студентках, но которую он обожал у Ким.

Она отодвинулась от его прикосновения, слегка покачиваясь, напряженная и такая неотразимая. Скрестив руки на обнаженной груди, она следила за Шарлоттой, а Шарлотта следила за ней.

И вот теперь Полу пришлось задуматься над тем, что делать с кошкой. До тех пор, пока Ким будет приходить в дом, кошачьи проказы не прекратятся. Какое-то время Элизабет будет винить себя. С другой стороны, он был в некоторой степени уязвлен предательством Шарлотты. Пол гордился, что не относится к числу тех мужей, которые живут в состоянии ненадежного перемирия с любимой кошкой супруги. Он очень любил Шарлотту и до начала последних неприятных событий считал, что Шарлотта отвечает ему взаимностью. Поворотный момент в отношениях с Элизабет в период его ухаживаний наступил, когда Шарлотта проявила к Полу явную симпатию, подсунув голову ему под руку и требуя ласки. В тот момент они с Элизабет лежали в постели и смотрели по телевизору образовательную программу.

– Она хочет, чтобы ты почесал ей за ушком, – сказала обрадованная Элизабет. – Это первая ступень в ее отношениях с кем-либо.

– А какова же вторая ступень? – спросил Пол, послушно почесывая Шарлотту за ухом и слушая ее довольное мурлыканье.

– Вторая ступень – когда она соблаговолит вспрыгнуть тебе на колени, – ответила Элизабет, протянув руку почесать грудку Шарлотте.

Не прошло и недели, как Шарлотта уже не только вспрыгивала Полу на колени, но и лежала у него на груди, водила по ней лапами, то выпуская, то убирая когти, с громким довольным мурлыканьем и отсутствующим выражением глаз.

– А третья ступень существует? – спросил он.

– Ну, – ответила Элизабет, просияв, – если она начнет пускать на тебя слюну, это будет означать уже настоящую любовь.

Теперь, по прошествии двух лет совместной жизни, Шарлотта привыкла поровну делить свое внимание между Элизабет и Полом. Она взбиралась на колени к Полу не реже, чем к Элизабет, и частенько пачкала ему рубашку своей слюной. Когда Элизабет уезжала в Чикаго, Шарлотта ходила за Полом по пятам из комнаты в комнату, решительно сопротивляясь, правда, всем его попыткам взять ее на руки. Когда же он шел на кухню, кошка стремительно забегала вперед, с широко открытыми жадными глазами наблюдая за всеми его передвижениями там и громким мяуканьем требуя угощения. Когда Пол сидел у компьютера, она, вытянувшись, лежала на столе и наблюдала, как он работает. Время от времени поднималась, чтобы потереться о его руку, или даже начинала расхаживать по клавиатуре, при этом шерсть у нее дыбилась и потрескивала от статического электричества.

Пол с раздражением или лаской – в зависимости от количества чепухи, появляющейся в тексте, – снимал кошку со стола, и она вымещала свое недовольство на одной из игрушечных пушистых мышей, в которых не было недостатка. Исправляя текст, Пол слышал, как Шарлотта носится по ковру, выгнув спину и выпустив когти, прыгает на свою игрушку, хватает ее, кусает и рвет зубами, подбрасывает высоко в воздух и снова устраивает шумную погоню. Пол обычно

поворачивался и наблюдал за кошачьей игрой, придумывая ироничные и нежные прозвища: Шарлотта Великая Охотница, Шарлотта Мышиный Терминатор, Шарлотта Царица Джунглей.

И вот теперь «царица» претендовала на значительно большую власть, чем прежде, вторгаясь в те сферы жизни, что не могли, казалось, иметь к ней никакого касательства.

Пол попытался подкупить Шарлотту: приносил ей через день новую игрушку: розового маленького динозаврика, пластиковый шарик с колокольчиком внутри, горсть пушистых крошечных мышек. Большая часть игрушек в течение первых же пяти минут исчезла под диваном. Тогда Пол купил «кошачьего танцора» – кусок проволоки со скрученным картоном на обоих концах – и прикрепил его у двери в гостиную, чтобы Шарлотта могла при желании с ним играть. «Танцор» не пришелся по вкусу, и она почти не обращала на него никакого внимания. Только когда Пол прошел мимо и как бы невзначай задел «танцора», Шарлотта несколько раз без особого энтузиазма подпрыгнула и подергала его. То и дело, расхаживая по квартире босиком, Пол наступал на одну из игрушечных мышей Шарлотты. Элизабет как-то заметила, что ей кажется, будто в доме их стало значительно больше, чем раньше.

– Может быть, они размножаются, – ответил Пол.

Она пробормотала нечто невнятное и вернулась к чтению своей книги.

Сегодня же, накануне очередного отъезда Элизабет, преследуемые отголосками небольшой размолвки после ухода ясновидящей, они ложились спать в разное время. Пол значительно позже жены. Он вошел в холодную полутьму спальни, где слышалось только размеренное спокойное дыхание спящей Элизабет, немного раздвинул шторы и впустил скупой луч света от уличного фонаря, чтобы не раздеваться в темноте. Снимая свитер, Пол заметил, что свет упал ярким пятном на спинку Шарлотты как раз на границу между ее черной и белой шерстью. Кошка лежала на его стороне подобно сфинксу, вытянув вперед передние лапы и подняв голову, словно охраняла спокойный сон хозяйки, с головой завернувшейся в одеяло.

Мордочку Шарлотты скрывала тьма, силуэт ее острых ушей вырисовывался на фоне бледной стены, а большие круглые глаза, казалось, источали бездонный мрак. Она наблюдала за тем, как Пол извлек одну ногу из брюк, затем другую и мгновение стоял так, словно ему вдруг стало стыдно перед кошкой, заставшей его за каким-то предосудительным занятием.

– Брысь! – тихо произнес Пол, но Шарлотта не пошевелилась. – Шарлотта, уходи! – сказал он немного громче и осторожным движением махнул в ее сторону брюками, задев кошачью морду штаниной.

Ноль внимания. Пол почувствовал, что начинает замерзать в холодном и сыроватом воздухе спальни.

Повесив брюки на стул, Пол еще больше раздвинул шторы, и свет уличного фонаря упал прямо на глаза Шарлотты. Это произвело соответствующий эффект. Вся ее морда сразу сделалась какой-то плоской, а зрачки сузились до щелочек, отчего она мгновенно приобрела нечто дьявольское и злобное. По телу Пола пробежала дрожь – и совсем не от холода. Увиденное не предназначалось для человеческих глаз.

– Пол, задерни шторы, – прозвучал приглушенный голос Элизабет с темной стороны кровати. – Пожалуйста.

Он повернулся задернуть шторы и услышал, как что-то тяжелое, но мягкое ударилось о ковер. Краем глаза Пол заметил едва различимое в полутьме мелькание белых лапок Шарлотты, удаляющейся в глубь коридора.

3

Утром Шарлотта ни на шаг не отходила от Элизабет. Она следовала за ней в ванную и из ванной, в гостиную, когда Элизабет укладывала в портфель бумаги, и на кухню. Здесь кошка шныряла под ногами у хозяев, пока те маневрировали между холодильником, стойкой и столом. Элизабет беседовала только с Шарлоттой, сюсюкала с ней, и в этом ощущались в одинаковой мере и озабоченность, и чувство вины перед кошкой. В какое-то мгновение, когда Элизабет показалось, что он чем-то отвлекся, Пол заметил, что жена как-то уж очень пристально и со значением смотрит в его сторону. Но когда он сделал вдох, чтобы что-нибудь сказать, Элизабет резко отвернулась, склонилась к Шарлотте, стала ее гладить и называть разными ласковыми именами.

Пол надел туфли, зазвенел ключами от машины – пора ехать на вокзал. Элизабет уже в своем синем пальто снова присела возле Шарлотты и продолжала ее гладить. Услышав звон ключей, Шарлотта вырвалась и, пробежав у Пола между ног, понеслась по коридору, скрывшись где-то в спальне. Элизабет встала. Она выглядела ужасно – бледное лицо, страдальческие глаза.

– Лиззи... – начал было Пол, но жена прошла мимо, даже не взглянув в его сторону, и молча спустилась по лестнице.

В машине было так холодно, что всю дорогу до вокзала они ехали в наглухо застегнутых пальто. День был ясный, снег ослепительно сверкал на солнце и скрипел под колесами автомобиля. Пол забыл надеть солнцезащитные очки и потому всю дорогу по Линн-стрит щурился. Он чувствовал, что время от времени Элизабет бросает на него косые взгляды, но сам не смотрел в ее сторону. Наконец, когда до вокзала оставалось совсем немного, Элизабет поплотнее закуталась в пальто, повернулась к мужу и устремила на него пристальный взгляд, подозрительный и одновременно оценивающий. Так она смотрела в тех случаях, когда собиралась сделать какое-нибудь важное заявление. Элизабет прекрасно понимала, насколько неуютно чувствует себя Пол в подобные мгновения.

– Ну что? – спросил он наконец.

– Постоянная работа в университете мне, по-видимому, обеспечена, – сказала Элизабет, выдыхая небольшое облачко пара. – И, по-моему, причин для беспокойства по этому поводу нет.

– Лиззи, я всегда твержу тебе то же самое.

– В ближайшие дни я поговорю с Уолтером о тебе, – продолжала она. – Да-да, завтра же побеседую с ним.

Пол сделал глубокий вдох и выдохнул большое белое облако. Кто-то за ними безбожно сигналил.

– Хорошо, – ответил Пол. – Спасибо.

Элизабет в полуулыбке приподняла уголок рта.

– Мы должны жить вместе, Пол, – сказала она. – В противном случае все наши вещи пропахнут кошачьей мочой.

– Превосходно! – воскликнул Пол. – И ты делаешь этот выбор ради меня или ради Шарлотты?

Автомобиль за ними истошно сигналил. Элизабет потянулась к Полу и поцеловала его. Через мгновение она уже выпрыгнула из машины, вытащила сумку и портфель с заднего сиденья, захлопнула за собой дверцу и ушла. Пол смотрел, как удаляется ее высокая фигура – яркое синее пятно среди тающей наледи на ветровом стекле. Он готов был выскочить из машины и запрыгать от радости. Сзади снова засигналили, теперь уже как-то злобно, и человек в автомобиле выкрикнул что-то грубое. Полу ничего не оставалось, как включить зажигание и отъ-

ехать, хотя он и не преминул опустить стекло и показать парню в машине приличествующий ситуации жест.

Вернувшись домой, Пол не стал разыскивать Шарлотту и пытаться помириться с ней, а просто проверил воду в миске и добавил немного сухого корма, а потом отправился в университет. Несмотря на зверский холод, он чувствовал себя необычно весело и бодро. Элизабет наконец-то согласилась замолвить за него словечко, и впервые за много месяцев Пол ехал на работу с удовольствием. В течение последнего семестра в университете на него стали смотреть как на совершенное ничтожество. Для большинства коллег Пол практически перестал существовать. Те, что раньше считались его друзьями – те, с кем он и Элизабет вместе ходили в кино, обменивались приглашениями на обед, – теперь рассеянно, а зачастую и с подчеркнутым холодком здоровались, передавали какие-то туманные приглашения на обед без указания времени и места. Некоторые же, заметив Пола, откровенно отворачивались. Простой визит на кафедру для проверки почтового ящика стал для Пола настоящим испытанием. В свой собственный кабинет он удалялся с сильнейшим сердцебиением, словно после стычки, в которой решался вопрос жизни и смерти.

Три года назад его перспективы выглядели значительно благоприятнее. Правда, Пол с самого начала понимал, что должность постоянного преподавателя ему не светит. Однако тогда Полу непрестанно намекали, что если удастся вовремя опубликовать диссертацию, то, вполне вероятно, он может оказаться среди первых в очереди на открывающуюся скоро вакансию. Пол преисполнился вполне понятного энтузиазма. Он запасся письмом от крупного английского университетского издательства, предлагавшего опубликовать его книгу, на которую уже были получены довольно лестные отзывы от неизвестных читателей с предложениями ряда изменений и дополнений и т.д., и т.п. Не делая особой рекламы сему факту и не говоря прямо, что книга принята к печати, Пол стал потихоньку распространять слухи о возможной ее публикации. Как правило, он сообщал новость какому-нибудь доверенному лицу за обедом или в тихом уголке во время вечеринки трем-четырем особо близким знакомым, предварительно взяв с них клятвенное обещание хранить все услышанное в тайне, рассчитывая, что его конфиденты в течение нескольких дней разнесут полученную информацию по кафедрам.

Элизабет, сидевшая в то время без работы, удивленно таращила глаза, не понимая, зачем он ведет такую странную игру. Пол же объяснял ей, что именно так и делаются дела в академических кругах и что никто тебя не похвалит, пока ты сам себя не похвалишь, хотя, конечно, не следует выходить за рамки приличий. Реагировала Элизабет – и Пол мог в этом поклясться – откровенной завистью к его умению делать карьеру. Ее собственная диссертация к тому времени уже была опубликована, хотя и с большими сокращениями, в виде монографии тиражом пятьсот экземпляров в одной из серий, выпускаемых небольшим университетским издательством в Монтане.

Неожиданно Пола одна за другой стали преследовать неудачи. Один из отзывов, пришедших на рукопись диссертации, был весь пропитан желчью и злобной, уничтожающе ядовитой критикой. Настоящий шедевр высокомерно-снисходительного мизантропического остроумия, способного в мгновение ока уничтожить любую карьеру. И как результат: крупное университетское издательство отказалось от своего предложения, несмотря на отчаянные многочисленные звонки Пола в Англию. Он предлагал внести все необходимые коррективы или даже полностью переделать книгу. Затем возникла долгожданная вакансия, но кандидатура Пола даже не рассматривалась. Место получил приглашенный профессор, уже некоторое время работавший на кафедре, высокомерный британец, чья крикливая многословная книжонка тем не менее была удостоена премии.

И самое удивительное: книга Элизабет имела еще больший успех, чем творение упомянутого профессора, а университеты, которые до той поры не хотели даже приглашать ее на собеседования, теперь звонили ей прямо домой и заочно предлагали место. За очень короткое

время все в жизни Пола перевернулось с ног на голову: Элизабет вот-вот должна была получить постоянную должность в Чикагском университете, профессор из Англии захватил старый кабинет Пола с видом на реку, а самого Пола переселили в кабинет рядом с лестницей с видом на электростанцию и автомобильную стоянку. Ему приходилось делить помещение с преподавательницей и заслуженным старичком профессором. Первая страдала сильнейшим неврозом и забросала всю комнату сигаретными окурками и полупустыми банками из-под минеральной воды для желудочников. А старичок приходил в университет дважды в неделю, садился в свое кресло и почти сразу же засыпал над разваливающимся изданием «Семи типов двусмысленности».

Сегодня, однако, Пол пролетел по университетским коридорам с головокружительной легкостью счастливого молодожена. Он что-то напевал себе под нос, работая с копировальной машиной, и фамильярно подмигивал секретарше. И пока студенты спокойно дремали в жаркой аудитории, Пол с воодушевлением читал лекцию, положив ноги на стол, теребя карандаш и глядя в окно на блестящий от яркого солнечного света снег. Он думал о своей будущей жизни в Чикаго: об огромных книжных магазинах, задымленных джаз-клубах, о Художественном институте.

Вернувшись в кабинет, Пол увидел старенького почетного профессора, уже спящего над томиком Эмпсона; седая голова по-стариковски свесилась на грудь. Но даже эта жалкая картина не смогла сегодня испортить Полу настроение. Кто-то когда-то рассказывал ему, что старик в давние годы воевал в Нормандии, поэтому Пол наклонился над спящим и в самое ухо произнес ему громким шепотом: «Ложись!» Профессор, вздрогнув, подскочил в кресле и широко раскрыл глаза, представив себе, видимо, один из печальных эпизодов высадки союзников.

– Присутственные часы, – произнес Пол, подняв вверх указательный палец.

Когда «седая древность», шаркая ногами и все еще немного дрожа, удалилась, Пол запер дверь, закрыл жалюзи от ослепительно яркого снега за окном и погасил свет. Затем сдвинул в сторону все банки с «диет-колой», положил ноги на стол и продолжил мечтать о Чикаго. Конечно, все это он мог бы иметь уже год назад, если бы последовал за Элизабет в качестве сотрудника газеты. Зато насколько значительнее он будет выглядеть теперь, когда сможет – да-да, сможет – отрекомендоваться университетским преподавателем литературы из Чикагского университета. Или, допустим, из Северо-Западного университета. Или даже из Де Поля или Ла Саля. Теперь он стал не очень-то разборчив.

Пол представил себя в слегка помятом дорогом костюме и широком развевающемся плаще, беседующим в уютном книжном магазине на Миракл-Майл с шикарной, но уже уставшей от жизни супругой какого-нибудь брокера. От мысли о нерастраченной энергии этой женщины, которая целыми днями только ездит по магазинам и фитнес-салонам, по его телу пробежали электрические разряды возбуждения. Пол поудобнее устроился в кресле, закрыл глаза и представил, как они украдкой посматривают друг на друга, остановившись у стенда с новыми поступлениями художественной литературы, он и жена брокера – Хелен, о нет, Виктория! – лет тридцати, с проницательным взглядом и британским акцентом; как потом едут на Мичиган-авеню выпить чашку чаю у «Нейман-Маркус»; как Виктория приглашает его полюбоваться видом на покрытое льдом озеро из окна ее квартиры на двадцатом этаже пентхауса на Лейкшор-драйв. И вот он уже воображает ее, стоящей у широкого окна в жемчужном свете долгого зимнего полдня, и себя – снимающим с нее одну за другой стоящие немыслимых денег одежды и шепчущим ей на ухо: «Да-да, я вот-вот получу постоянное профессорское место в Чикагском университете...»

В дверь постучали, и от неожиданности Пол чуть не свалился с кресла. В последний момент он сумел удержаться, однако задел одну из банок с «диет-колой», и мерзкая жидкость залила весь стол.

– Войдите, – крикнул он, промокая «колу» салфетками. Из-за двери послышался голос Ким.

– У вас здесь заперто... профессор, – добавила она на случай, если за спиной оказался бы кто-то из преподавателей.

Пол замер, струйка «колы» уже стала образовывать на полу лужицу. Странно, они ведь договорились, что Ким не будет заходить к нему в университете. Он швырнул мокрые бумажки в корзинку и поспешил открыть дверь. Ким стояла на лестничной площадке и дрожала, кутаясь в толстое зимнее пальто, купленное в комиссионке. Девушка подняла воротник до ушей, щеки алели от прилива горячей калифорнийской крови. Пол, тоже раскрасневшийся от своих мечтаний о чикагской жизни, бросил опасливый взгляд на лестницу. Он понимал, что ему скоро придется расстаться с Ким, и надо сообщить, что он уезжает в Чикаго... только, конечно же, не сейчас, не сегодня. Пол затащил Ким в кабинет и запер дверь.

– Знаю, я не должна приходить к тебе в университете, – сказала Ким с обычной для нее вопросительной интонацией, но Пол уже снимал с нее громоздкое пальто и усаживал на письменный стол.

– Все нормально, – произнес он, запуская руки ей под свитер. – Я как раз думал о тебе.

4

Шарлотта лежала на кровати, свернувшись в клубок и закрыв голову лапками. Когда Пол вошел в спальню, она отвела лапку и подозрительно взглянула на него одним зеленым глазом. Мгновение они смотрели друг на друга, затем Пол щелкнул пальцами и спросил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.